

The illustration is a stylized, high-contrast black and white drawing with selective color. It depicts a surreal scene where a large, ornate, stylized plant with long, flowing leaves and small flowers grows out of a white, rounded object on a dark, rectangular base. The background is a deep black, punctuated by a white crescent moon and several small white stars. In the upper right, a circular inset shows a profile of a woman's face. In the foreground, a white, flat surface holds a small, round, patterned plate with several small, dark, leaf-like objects on it. The overall style is reminiscent of mid-20th-century surrealist art.

Полина Корицкая

СИМПТОМЫ быта

Полина Николаевна Корицкая

Симптомы быта

**Серия «Озарения (Интернациональный
Союз писателей)»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48722923

Симптомы бытия:

ISBN 978-5-00153-189-0

Аннотация

Яркость. Точность. Актуальность.

Вагоны, чеки, селфи, GPS... И тут же – «стружка снега», «губы
клюквы»... Все – рядом, «ребро к ребру». Все – единый звукоряд.
Откровенность на грани фола, жесткая самоирония, и, конечно,
капля женского нытья:

«Бестолковщина ты, бестолковщина, –

Говорила маманя дурочке. –

Что разнылась опять беспочвенно?

Скушай курочки».

Стихи в этой книге – как симптомы, но поэзия – как симптом.

... Да что ж там скачет – за потрохами,

Стучится злей?

Спасибо, Боже, что взял стихами.

Теперь – налей.

В быту каждого человека есть какая-то поломка. Беда. Каковы симптомы вашей?

Содержание

От издателя	9
1	12
««Бестолковщина ты, бестолковщина, — ...»	13
Памяти Казанцева А. И	15
«В кепке, пиджачке салатовом...»	17
Про Олега	19
«Залепила глаза тоска...»	21
Ответ дочке	23
«Слышишь, как кружит по лесу...»	25
«русая девочка поля...»	27
«Люпины, березы и желтый цветок...»	29
«Когда я иду под снегом...»	31
«С утра так тянет суховейной гарью...»	32
«А на родине Яо...»	34
То, что я должна сказать	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Полина Корицкая

Симптомы бытия

© Полина Корицкая, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

КОРИЦКАЯ ПОЛИНА НИКОЛАЕВНА

Поэт, прозаик, детский писатель, автор-исполнитель.

Родилась в г. Томске. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького (семинары Ю. П. Кузнецова, Г. И. Седых).

Лонг-лист премии «Дебют» (малая проза, 2011).

Лонг-лист VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь».

Лонг-лист XV, XVI Волошинского конкурса по поэтическим номинациям. Участник и стипендиат форума молодых писателей ФСЭИП.

Лонг-лист премии «Лицей» 2019.

Победитель фестиваля молодой поэзии «Фи-латов-Фест» 2019.

Лауреат премии «Начало» Союза Писателей Москвы 2019.

Публикации: «Сибирские Афины», «Тверской бульвар, 25», «Литературная Россия», «Российский колокол», "Кольцо А", "Литературный оверлок", «Подъем», «Юность», другие издания и коллективные сборники. В 2014 г. издана книга прозы «Самокрутки», впоследствии переизданная трижды.

Участник литературной студии "Коровий Брод" под руководством Елены Исаевой. Руководитель студии детского литературного творчества «Синяя тетрадь».

Член СП Москвы и Интернационального СП.

«Симптомы быта» – первая поэтическая книга автора.

От издателя

«На ты» – со всем миром!

«...воспоминания хочется вынуть из головы и положить в нагрудный карман», – так сказала в своей предыдущей книге «Самокрутки» Полина Корицкая. Та книга была дневник, написанный не день в день, а позже.

Поэтический сборник «Симптомы быта» – это тоже «записки на салфетках», красивые, безупречные по форме. И именно такое соединение красоты и «салфеток», красоты и быта, делает книгу уникальной. Тут и зарифмованные воспоминания, и зарифмованные слепки чувств и ощущений.

Стихи Полины Корицкой не похожи ни на что. У нее действительно свой поэтический голос. Мне не с чем сравнить то, что она пишет. Конечно, лейтмотив ее творчества обыкновенный: она пишет о женском несчастье, – но форма подачи, ритмика и атмосфера... – это не литература, а душа Полины в каждой строчке, в каждом слове и букровке.

Наивная интонация и как бы обращение к невидимому собеседнику «на ты» подкупают, так что выступают слезы.

В английском языке есть форма обращения «на ты» – thou ([ðəʊ]), используется почти никогда, всем известно, что англичанин даже со своей собакой «на вы».

Когда же используется thou? В молитве при обращении к

Богу. В этой книге есть стихи молитвы, автор обращается не только к Богу, но и к людям, и к выдуманным образам.

«Привет, я сегодня пьяная, // Прости, что опять бужу. // Да нет, я, ей-богу, нечаянно, // Ты слушай, что я скажу. // Слушай, я так соскучилась, // Знаешь, мне нелегко. // Небо чего-то стучилось, // Небо стучит в стекло».

Однако молитвы молитвами, а что же «салфетки»? А это тоже способ обратиться «на ты» ко всему миру.

«У меня нету прав на слезы. // Я пыталась их получить, но не прошла экзамен. // Инструктор сказал, что я бездарная плакальщица: // Никого не оплакиваю, только бесцельно ною. // ...Да и дорого это все, совсем нам не по карману. // Мама сказала: сначала закрой кредиты. // Сначала детей накорми, одень, помоги с поделкой. // Что ты за мать, ей-богу. // А я больше так не могу. // Я спущусь по бездонному переходу // Туда, где нет никого, совсем никого, кроме // Мужчины с табличкой «Куплю и продам, легально». // Он обнимет меня за худую спину, // Скажет: ну что ты, что ты, милая, что ты, что ты. // И подаст мне бумажный платок – // Как милостыню.

В стихах Полины Корицкой все просто – все варятся кушочками в одном бульоне, и она воображает, что ее тоску и боль чувствует даже прохожий. Бывает ли такое в жизни? Нет, не бывает. Это поэт Корицкая чувствует боль даже малознакомых людей, радуется простым вещам. Например, борщу и рюмке у гостеприимной подруги. И она готова от-

казаться от славы, лишь бы была жива Галя, которая дарит ей простые радости.

А когда Полине нужно живое, она приезжает в Мытищи гулять по снегу, пить газировку. Как все это наивно и привлекательно! Но хоть в стихах и нет ни слова о тоске, все равно чувствуются отголоски боли. И приходит мысль: «Когда тревожно на душе, казаться улыбчивым и простым высшее искусство». А питает его простота! Та самая гениальная простота.

Полина кричит «thou!» всему миру, потому что молекулярно растворилась в нем. Обращение «на вы» – это холодная стена вежливости и дистанция; «на ты» – высший интим, близость душевная.

Книгу нужно прочесть всем нервным, грустным, недовольным существованием. Учитесь чувствовать и жить у Полины!

Обучайтесь искренности, и вы тоже сможете сказать «thou» и травинке, и Богу, а главное незнакомому прохожему.

Александр Гриценко,

*русский писатель, драматург, прозаик, журналист,
литературный продюсер, театральный режиссер.*

*Председатель Международного Правления
Интернационального Союза Писателей.*

1

Русая девочка Поля

««Бестолковщина ты, бестолковщина, – ...»

«Бестолковщина ты, бестолковщина, —
Говорила маманя дурочке. —
Что разнылась опять беспочвенно?
Скушай курочки».

«Ой, маманя, тошнит от курочки,
В горле колом ее крыло.
Вы, маманя, подайте курточку,
Если не западлю».

«Да куда ж ты пойдешь, сердешная?
И темно, и собаки лают».
«До соседской пойду черешни я,
Погуляю...»

«У черешни той ветки кривы,
И пасет ее гопота».
«Что ж, тогда я пойду до сливы,
Там, где та

Неземная растет осока
Выше вашей же головы...»
«Слушай, милая, выпей сока,

Не гневи:

Сливу ту, как плоды доели,
Так срубили совсем с пути».
«Ну, тогда я пойду до ели,
Пропусти!»

Помолчала маманя, хмуря
Свои брови, цедя компот,
И всучила топорик дуре:
Новый год.

И пошла, спотыкаясь, девица,
Вся от холода голуба,
А вокруг – ни куста, ни деревца,
Ни гриба.

2017

Памяти Казанцева А. И

Имя Ваше, вплетенное в ленточки,
Росло изнутри вровень с косами.
Саша, Саша, Александр Иннокентьевич,
Посмотрите: я стала взрослая.
Вы за эти косицы хлипкие
Волокли меня по подстрочникам.
И взлетали над школьной плиткою,
Над фигурками худосочными.
Плитка та, что казалась кафельной,
Хлипкой, ГОСТовской, голубой,
Обернулась плитой каменной...
И прихлопнула Вас собой.
Хлоп да хлоп, все звенит ладошками
Школьный двор беспечальный мой...
Все не честно, все понарошку,
Я сейчас позвоню домой,
Я спрошу позволенья мамы
Задержаться еще в ЛИТО,
Где поэт я пусть мелкий самый,
Настоящий почти зато!
Вы меня отведете за руку
К остановке на главпочтамт...
... Мама поит меня заваркою,
И не знает, что я все там.
Не дождусь все никак троллейбус,

Не домчусь до горы Каштак...
Александр Иннокентьевич, ребус
Мне самой не решить никак...

... Пробираюсь, ползу я сквозь время,
Прибираю бардак, все кладу по местам,
И вдруг вижу, что Ваше имя —
Бельевыми веревками изо рта.
Неуклюже на них развешиваю
Для просушки свои слова.
Что веревки, да ну их к лешему,
Не о том говорю я Вам!
Александр Иннокентьевич, Саша,
Знаю разве, что Вам сказать?
Разрешите мне руки Ваши
На прощанье еще раз сжать.

... Я тащу свои ноги волоком
В уставший, остывший класс...
По ком звонит школьный колокол?
По нам он звонит.
За нас.

2017

«В кепке, пиджачке салатовом...»

В кепке, пиджачке салатовом,
Средь билбордовских махин,
Парень вида гоповатого
Декламировал стихи.
У него маманя – дворника,
А папани – вовсе нет.
Он не просыхал со вторника,
А туда же, глянь – поэт!

Еще было бы понятствено,
Если б мел он ерунду.
Но стоит зеленым ясенем,
Отражается в пруду.
Над асфальтом «адидасы»
Воспаряют на излет,
Когда он умелым брассом
Между строчками гребет.

Может, учится на токаря,
«Малолетку» отсидел...
Стих пульсирует и токает,
И звенит грудной отдел
Позвоночника в салатовом,
Очень глупом пиджаке.
Но приветствую как брата я

Слово каждое в строке.

Подойду, встряхну за плечи,
И скажу, по чину чин:
«Есть стихов еще по мелочи?
Слышь, братуха – научи!»

2017

Про Олега

Когда я уйду с работы,
Отметивши факт сего,
Захочется вдруг чего-то
Живого и своего...

...Поеду в Мытищи к Олегу!
С ним вместе гулять пойду.
Пройдемся по рыхлому снегу,
Последнему в этом году.

Мы выпьем с ним газировки,
А завтра – придет весна.
Вернется с командировки
Олеговская жена.

И пряча в кошелке тыщи
Магнитиков и саше,
Ворвется в свое Мытище,
Прогонит меня взашей.

А я, не в обиде вовсе,
Смотрю, как в пяти шагах
Гуляют большие лоси
На длинных своих ногах.

2016

«Залепила глаза тоска...»

Залепила глаза тоска.
Как бельмо на них – этот снег.
Говорят, что весна близка.
(Ясно слышен ее бег,
Рядом виден ее след...)
Только, может, я близорук,
Но не вижу ее, нет,
Средь баланды глухих выюг.

Вот апрель: он лишен прав,
Как отец, что ушел в запой.
Как писатель, из всех глав
Не печатавший ни одной.
Как юнец, что накрыт гайцом...
Стал в сугроб, сам он стал сугроб,
И угрюм, и груб, и взаправду глуп.
Кто он есть – в снегу? Остолоп, холоп,
Месит грязь ногой, завертясь в тулуп.
Я боюсь смотреть, как его лицо,
Отморозив часть побелевших щек,
Замыкается внутрь себя кольцом,
Закрывается в вещевой мешок.
Зарастает медленно – не травой,
Чем-то белым, тонким и ледяным...
И за ним конвой. И за ним конвой.

И за ним – конвой серебра зимы.

2017

Ответ дочке

Дочка однажды спросила: «Мама,
А все в мире знают, что ты поэт?».
И ждет ответа, глядит упрямо,
Боится услышать «нет».

«Помнишь, – скажу ей, – мы взяли хлеба
И вышли на птичий незримый след?
Я тихо читала стихи про небо.
Голуби знают, что я – поэт.

А помнишь, как вместе гуляли с сестренкой
И папа рыбок показывал вам?
Читала я в воду, чуть-чуть в сторонке,
Рыбы-то знают цену словам.

Бывает, поссоришься, аж до драки,
И долго еще кулаки дрожат!
Тогда я читаю чужой собаке,
Собаки поэтами дорожат.

Когда я устану и нету времени
В чем бы то ни было разбираться,
Я сочиняю экспромты с деревьями —
Мастерами импровизации.

И когда замечаем, что вышло здорово,
Дерево радостно шелестит
Листьями, ветками, всею кроною,
Солнце в ветвях блестит.

Псы скалят зубы, рычат: «Уж я бы их,
Этих обидчиков, р-р-разорвал!».
Голуби грудь раздувают, гордые —
Поэт им стихи читал.

И только вода остается ровною,
А рыбы — всегда молчат...»

«Кажется, мама, что мир огромное,
Чем я могу замечать.
Но куклы стихов никогда не слушали,
А куклы ведь тоже — мир?»

И куклы сидят, растопылив уши
И двери своих квартир.

2016

«Слышишь, как кружит по лесу...»

Слышишь, как кружит по лесу
Вересковый мед?
В том дупле живет принцесса,
В том – наоборот.

Эти ветки пропускают
Ранние лучи.
По утрам не забывают
Абажур включить.

Посмотри на лист сквозь щелку:
В паутине рос
Зацвели принцессы щеки
Карнавалом роз.

У нее игра такая —
С детства так пошло:
Бегать, пятками сверкая,
Из дупла в дупло.

В этом – прячет ожерелье,
В том лежит душа.
В золотистом оперенье,
В камне голыша.

А потом идет умыться
На речной косе.
И со дна взирают лица
Сонных карасей.

2017

«русая девочка поля...»

русая девочка поля
стоит посреди болота
и жадно и жадно пьет
ситцевое ее платье
насквозь пропиталось тиной
но гниль не попала в рот
но ей все равно кажется
да да до сих пор кажется
странный тугой живот
платье не помогло
что-то попало внутрь
лягушка внутри живет
наверное это лягушка
совсем не моя бабуля
смотрела тогда в упор
глазами внутри навывкате
квакающей гортанью
помнится до сих пор
русая девочка поля
стоит посреди кухни
глядит и глядит на стол
на который она бессовестно
сахар-песок просыпала
мирный песок простой

2017

«Люпины, березы и желтый цветок...»

Люпины, березы и желтый цветок,
Похожий на спелый куриный желток.
Он спорит с природой и с ней говорит,
Не верит, что будет он скоро разбит,
Что пух полетит к небесам скорлупой,
На фоне небес сам почти голубой.
А лес так могуч и так нравом он крут,
Что надо немало дремотных минут,
Чтоб выпутать ноги из горьких стеблей
И взгляд оторвать, как от мачт кораблей,
От темных стволов, натяжения слов
Высоковольтных природных столбов.
Мелькают в листве золотые головки —
Сойки-невесты, зарянки-золовки,
И сроки подходят, смещаются рамки,
И сыплется трель на раскрытые ранки.
Я вторю им редко, негромко и в такт,
Что я – ветка леса, незыблемый факт.
Но факт – это лето, бурлящий поток
Реки, уползающей в ночь на восток.
Рубин земляники, брусники гранат,
Кислицы разложен у ног мармелад.
Лес сам себя вновь коронует тайком —

Люпином, березой и желтым цветком...

2017

«Когда я иду под снегом...»

Когда я иду под снегом
И думаю о несбывшемся,
Одна только мысль колыхнется:
Как больно быть человеком.

Как больно свои мозоли
Запихивать в сапоги,
Записывать в дураки
Себя, и друзей, и боле —

Сам снег, как дурак, не знает,
Куда и зачем валит...
А может, и в нем — болит?
Он, может, от боли — тает?

И он как ожог ложится
На мой обнаженный лоб, —
Открытый, как белый гроб
Для похорон снежинки.

«С утра так тянет суховейной гарью...»

С утра так тянет суховейной гарью,
Что как подкошенная падаю на сажу,
И сухожилья стертые не скажут
Речей наветных на иван-да-марью.

Лучей несметных злое копошенье
По жухлым листьям взращиваю лупой,
Потом ложусь распахнутой и глупой
И жду лесной работы разложенья.

Себя баюкаю под стрекоты пожара,
Под голову шипящей головешкой —
Слова, отброшенные пеплом на столешню.
Ну спи же, спи, пожалуйста, пожалуйста.

Но спят зимой, укутавшись сугробами,
А лето — слишком душно и воинственно.
В нем лес горит от искорки единственной,
Деревья до весны стоят безбровыми.

Не жаль же лету гордому, певучему
Роскоши пушнины изувеченной,
Ростков, еще не видных и не встреченных,

Но подпаленных и лежащих кучами.

И дождь вбивает сажу мне под кожу,
И забивает пеплом капилляры,
Тоску рождая по снегам полярным,
Но снегом стать он все-таки не может.

2017

«А на родине Яо...»

А на родине Яо
Есть фарфоровая башня,
Подпирающая ногу,
Одну ногу Самого.
А над родиной Яо
Сам рукой проводит важно,
И звенят, как вторят Богу,
Колокольчики Его.

Если встанут
Друг на друга
Пятьдесят
Китайцев
Разом,
То не станут
Ближе
К звуку
Колокольчиков
Яо.

Не достанут,
Не достанут,
Брат печально скажет брату:
«Не дается божье в руки,
Все, кранты,

Пойдем
Домой».

И над родиной Яо
На высокой, тонкой башне,
Прям на выступах,
Качаясь,
Колокольчики поют.
И от родины Яо
Отступает все, что страшно.
Бог играет, улыбаясь,
Песню
Тихую
Свою.

2005

То, что я должна сказать

Когда меня просят что-то сказать о войне,
Находит странное чувство отсутствия горла,
Отсутствия глаз, позвоночника гордого,
Отсутствия жизни во мне, как в отдельной стране.

Вы скажете «глупо», укажете на гордыню,
Но я помню каждый простреленный локоть,
Грудь в разрезе, чью-то животную похоть,
Вскрытый живот, похожий на рваную дыню.
Вывороченные суставы, жженные волосы,
Кости, торчащие из-под платяца...
Сжигают в печи жидовку, и кожа плавится,
И тает, и свечкой станет, на стенах полосы
Оставит, когда ее подожгут сызнова,
Запляшет нелепой тенью от тела бывшего,
Когдатошнего, здорового и болевшего,
Рассыпанного золой остывшею.

Я ползла через лес и волокла половину
Человечьего тела, половину мундира,
Половину оружия ротного командира,
Примотав к себе неразрывную пуповиной.
Я ползла через лес и вроде бы даже выползла,
Только лес все ползет и ползет сквозь голову,
Будто тощая вошь по ребенку голому,

Испражненьем чужого больного вымысла.

Но я выжила, Боже, не выживая, выжила,
Не ползая по окопам, лишилась конечностей,
И видела свет, и путалась в бесконечности,
И, чтобы выжить, все свои силы выжала.
Вы тоже – признайтесь! – вы тоже помните
То, что в голову вмонтировано генетически,
Что звенит и в земле, и в лампочке электрической,
В майской мирной маминой теплой комнате.

Сохрани мою память, Боже, как эту комнату,
Конкретную комнату дома вполне конкретного,
И если захочешь дыма – не чернее, чем сигаретного,
А если огня захочешь – есть и попроще поводы.

А если однажды случится – попутает все же бес —
Не останется памяти, кроме привязанных ленточек —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.